

В дурном обществе — эпизод 17 из 25

Д-да.

Значит, и ты бы тоже украл.

Я... у своего отца.

Это еще хуже! с уверенностью сказал Валек. Я никогда не ворую у своего отца.

Ну, так я попросил бы... Мне бы дали.

Ну, может быть, и дали бы один раз, где же запастись на всех нищих?

А вы разве... нищие? спросил я упавшим голосом.

Нищие! угрюмо отрезал Валек.

Я замолчал и через несколько минут стал прощаться.

Ты уж уходишь? спросил Валек.

Да, ухожу.

Я уходил потому, что не мог уже в этот день играть с моими друзьями попрежнему, безмятежно. Чистая детская привязанность моя как-то замутилась... Хотя любовь моя к Валеку и Марусе не стала слабее, но к ней примешалась острая струя сожаления, доходившая до сердечной боли. Дома я рано лег в постель, потому что не знал, куда уложить новое болезненное чувство, переполнявшее душу. Уткнувшись в подушку, я горько плакал, пока крепкий сон не прогнал своим веянием моего глубокого горя.

Здравствуй! А уж я думал, ты не придешь более, так встретил меня Валек, когда я на следующий день опять явился на гору.

Я понял, почему он сказал это.

Нет, я... я всегда буду ходить к вам, ответил я решительно, чтобы раз навсегда покончить с этим вопросом.

Валек заметно повеселел, и оба мы почувствовали себя свободнее.

Ну, что? Где же ваши? спросил я. Все еще не вернулись?

Нет еще. Чорт их знает, где они пропадают.

И мы весело принялись за сооружение хитроумной ловушки для воробьев, для которой я принес с собой ниток. Нитку мы дали в руку Марусе, и когда неосторожный воробей, привлеченный зерном, беспечно заскакивал в западню, Маруся дергала нитку, и крышка захлопывала птичку, которую мы затем отпускали.

Между тем около полудня небо насупилось, надвинулась темная туча, и под веселые раскаты грома зашумел ливень. Сначала мне очень не хотелось

спускаться в подземелье, но потом, подумав, что ведь Валеk и Маруся живут там постоянно, я победил неприятное ощущение и пошел туда вместе с ними. В подземельи было темно и тихо, но сверху слышно было, как перекачивался гулкий грохот грозы, точно кто ездил там в громадной телеге по гигантски сложенной мостовой. Через несколько минут я освоился с подземельем, и мы весело прислушивались, как земля принимала широкие потоки ливня; гул, всплески и частые раскаты настраивали наши нервы, вызывали оживание, требовавшее исхода.

Давайте играть в жмурки, предложил я.

Мне завязали глаза; Маруся звенела слабыми переливами своего жалкого смеха и шлепала по каменному полу непроторенными ножонками, а я делал вид, что не могу поймать ее, как вдруг наткнулся на чью-то мокрую фигуру и в ту же минуту почувствовал, что кто-то схватил меня за ногу. Сильная рука приподняла меня с полу, и я повис в воздухе вниз головой. Повязка с глаз моих спала.

Тыбурций, мокрый и сердитый, страшнее еще оттого, что я глядел на него снизу, держал меня за ноги и дико вращал зрачками.

Это что еще, а? строго спрашивал он, глядя на Валека. Вы тут, я вижу, весело проводите время... Завели приятную компанию.

Пустите меня! сказал я, удивляясь, что и в таком необычном положении я все-таки могу говорить, но рука пана Тыбурция только еще сильнее сжала мою ногу.

Reponde, ответствуй! грозно обратился он опять к Валеку, который в этом затруднительном случае стоял, запихав в рот два пальца, как бы в доказательство того, что ему отвечать решительно нечего.

Я заметил только, что он сочувственным оком и с большим участием следил за моею несчастною фигурой, качавшеюся, подобно маятнику, в пространстве. Пан Тыбурций приподнял меня и взглянул в лицо.

Эге-ге! Пан судья, если меня не обманывают глаза... Зачем это изволили пожаловать?

Пусти! проговорил я упрямо. Сейчас отпусти! и при этом я сделал инстинктивное движение, как бы собираясь топнуть ногой, но от этого весь только забился в воздухе.

Тыбурций захохотал.

Ого-го!